

Мне посчастливилось быть рядом с ней, к сожалению, в последние дни ее жизни. Шел 1975 год. Я, слушатель Военно-медицинской академии, проходил в это время клиническую практику в клинике травматологии и ортопедии. Мой преподаватель назначил меня куратором к пациентке с переломом бедра, но предупредил, что больная – с тяжелым характером, и если что не так, то может и «послать». Ольга Федоровна, на вид уже старушка, уже почти бестелесная, меня не послала, а я, обжевав других своих подопечных, приходил в ее палату.

...Она тихо лежала на кровати в белоснежной больничной рубашке. Тело совсем не ощущалось. Почти молча я выполнял обычный ритуал осмотра, считал пульс, слушал сердце и легкие, тихонько дотрагивался до живота. Она терпеливо сносила и ждала.

Все ей довелось испытать. И трагичную смерть ее первого мужа – поэта Корнилова. И гибель двух маленьких дочерей. И арест – по навету – в 1938 году. Ее обвинили в покушении на убийство Жданова. 197 дней пыток и унижений в тюрьме и, как писала потом, «столько же ночей». Били жестоко... Признаний следователям выбить не удалось, зато они выбили из нее нерожден-

Блокадная легенда

16 мая «железной деве блокады» исполнилось бы 100 лет. Александру Вячеславовичу Першину, заведующему поликлиникой №69, депутату муниципального совета Зеленогорска, довелось встретиться с Ольгой Берггольц в последний год ее жизни. Листая книгу «Ольга. Запретный дневник», впервые представленную на Санкт-Петербургском книжном салоне, он вспомнил эту встречу.

ного шестимесячного ребенка, ее последнюю надежду... Жить после этого уже не хотелось. И даже освобождение в 1939 году не добавило ярких красок.

Из этого испытания Берггольц вынесла удивительно чуткую и вызывающе бесстрашную душу. Пройдет несколько лет, и эта хрупкая женщина станет «блокадной Музой» Ленинграда.

В ту суровую блокадную зиму не фашисты, а холод и голод были главными убийцами ленинградцев. Тогда Ольга потеряла еще одного любимого человека, мужа Николая Молчанова, который, по ее словам,

«Изящная» – так отзывалась Ольга Берггольц в своих письмах о знакомой писательнице, имея в виду ее особенную интеллигентность. Это в полной мере относилось к ней самой. Будущая Муза блокадного города родилась в семье обрусевшего немца Фридриха Христофоровича Берггольца, который принял революцию всем сердцем. Ольгу и ее сестру Мусю мама воспитывала тургеневскими барышнями. Но, видимо, Ольга пошла в отца. И ее мечтой было не кисейное платье, а кожаная тужурка и красная косынка. Она осталась верной этой мечте долгие годы. В автобиографиях Ольга Берггольц писала: «Жизнь моя так счастливо сложилась, что главные даты ее, все, даже самые интимные события, совпадают с главными датами и событиями нашей страны и народа».

«своей любовью небывалой меня на жизнь и мужество обрек...». Мужество Берггольц в полной мере проявилось, когда ее голос зазвучал по ленинградскому радио. Своими стихами и обращениями к защитникам города она зажигала вечный огонь надежды и желания жить всем смертям назло.

Вера Кетлинская вспоминает: «Ольга сказала: «Сейчас же приду». От Радиокomiteта до моего дома два квартала, но пришла Ольга нескоро и в состоянии крайнего нервного возбуждения. Улицы были совершенно темны, она наощупь пробиралась по тропке между

сугробами и вдруг возле Филармонии споткнулась обо что-то и упала – упала на полузаезенного снегом мертвеца. От слабости и ужаса она не могла подняться и вдруг услышала над собою свой собственный голос, читающий стихи... Ей показалось, что она умерла или сошла с ума. И только когда ее голос кончил читать стихи и диктор объявил следующую передачу, она вспомнила, что в этот час транслировалась запись ее очередного радиовыступления, и поняла, что работает репродуктор на углу Евробейской гостиницы.

Ее голос по радио помог ей самой так же, как в минуты горя и отчаяния он помогал тысячам ленинградцев. И есть высшая степень справедливости в том, что именно Ольга Берггольц нашла те проникновенные строки, которые переживут ее в веках. Эти шесть слов знает каждый в России: «Никто не забыт, ничто не забыто»...

...Глаза устало закрываются, но из-под одеяла острожно появляется сухонькая ручка, похожая на маленькую птичью лапку, нащупывает мою молодую руку, тихонько вползает в подставленную ладонь и затихает...

Впечатления о тех двух неделях молчаливого диалога с ней, с прижизненной легендой, я пронес через всю жизнь.